

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниленко В. П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. С. 5-23.
2. Большой юридический словарь /Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2001. 704 с.
3. Dictionnaire juridique / Sous la direction de P. Guiho. Lyon: L'Hermes, 1996. 318 p.
4. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
5. Greimas A.-J. Dictionnaire de l'ancien français. P.: Larousse, 1992. 630 p.; а также 6;7;8.
6. Словарь старофранцузского языка к книге для чтения по истории французского языка В. Шишмарева /Сост. М. А. Бородина, М. В. Гордина, В. Ф. Шишмарев. М. Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 274 с.
7. Picoche J. Dictionnaire étymologique du français. P.: Dictionnaire Le Robert, 1983. 827 p.
8. Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. Dictionnaire étymologique et historique du français. P.: Larousse, 1995. 822 p.

Ольга Борисовна ПОНОМАРЕВА —
 доцент кафедры английского языка
 факультета романо-германской
 филологии, кандидат филологических
 наук,
Юлия Александровна ТОКАРЕВА —
 студентка V курса

УДК 801-541

**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СУБСТАНДАРТНОЙ
 СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ
 (НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
 ИМЕН ЛИЦА)**

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются процессы семантической деривации в субстандартной (сленговой) лексической подсистеме английского языка, опираясь на основные положения когнитивной лингвистики, рассматривающей метафорические и метонимические переосмысления как регулярные процессы синхронной полисемии, что позволяет выявить основные деривационные модели в семантической группе наименований лица, характеризующиеся регулярным сдвигом актантов.

The article discloses the processes of semantic derivation in substandard English from the cognitive approach, treating metaphoric and metonymic shifts as regular tendencies of synchronic polysemy. The analysis of the semantic group of personal nouns reveals regular categorical shifts in the basic derivational models.

Современные лингвистические теории характеризуются стремлением встроить язык в систему других когнитивных механизмов человека, выявить посредническую функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью и показать, что язык и сам несет отпечаток человеческих способов освоения реальности. Будучи средством концептуализации этой реальности, воплощением наивной, языковой картины мира язык накладывает отпечаток на восприятие реальности человеком. Целый цикл лингвистических проблем получает новое освещение и новое решение в когнитивном

аспекте. Это, прежде всего, проблемы *категоризации* и *концептуализации*, проблемы языковой картины мира и соотношение языковых структур с когнитивными. Когнитивная наука поставила вопрос о категоризации в связи с когнитивной деятельностью человека как вопрос о том, на основании чего классифицирует вещи обычный человек и как он сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи в определенные рубрики, классифицирует их и объединяет в классы, разряды, группировки, множества, категории [1:42].

Важным понятием когнитивной лингвистики является *прототипический подход* (*prototype theory*), означающий новый подход к явлениям категоризации, к понятию как к структуре, содержащей указания на то, какие элементы понятия являются прототипами. Согласно Е. С. Кубряковой, прототипическая организация пространства категорий — результат следующих факторов:

1. Количество различных контекстов потенциально безгранично: нет двух абсолютно одинаковых ситуаций.
2. Ресурсы памяти человека велики, но не безграничны.
3. Усвоение и интегрирование нового знания было бы невозможно, если бы аналогия и сходство устанавливались в результате прямого сопоставления новой и старой единиц информации [1:141].

Основываясь на теории прототипа, Г. И. Кустова говорит о небольшом круге фундаментальных для человека действий, своего рода прототипическом наборе базовых видов действий, ситуаций и объектов. Этот класс основных объектов и ситуаций постепенно расширяется и пополняется новыми, неосвоенными. Следовательно, потребность в обозначении новых объектов и ситуаций обеспечивается главным образом (хотя и не абсолютно) за счет использования уже существующих языковых единиц в новых значениях, то есть за счет полисемии [2:85].

Факторы, определяющие развитие полисемии, оказываются различными. Один из факторов является логическим — это наличие в понятиях общих признаков. Другие факторы — языковые. Это, во-первых, условия речевого употребления слова, которые могут способствовать развитию новых значений, во-вторых, влияние слов, имеющих сходство в сочетаемости. Для различных частей речи роль этих факторов может быть различной. Так, для существительных в развитии многозначности основным оказывается фактор логический, а в глаголе в большинстве случаев логическая связь между исходным и производным значением перекрывается влиянием синтактико-фразеологического окружения слова. Совмещение нескольких лексических значений в одном слове нередко осложняется добавочными стилистическими оттенками и требует особых ситуативных или контекстуальных условий для своего обнаружения [3:131].

Основным приемом пополнения словарного состава сленговой лексикой является семантическая деривация, которая в работах Ю. Д. Апресяна используется в качестве синонима для термина «многозначность». В этом же значении он применяет термин «семантическое словообразование», имея в виду создание нового слова (слова с другим значением), но не морфологическими, а семантическими средствами [4:13]. По мнению Т. М. Беляевой и В. А. Хомякова, семантическая деривация является основным средством создания новых просторечных лексико-семантических вариантов в процессе расширения смыслового объема слова литературного стандарта. Этот процесс также носит название *семантической инновации* (*переосмысления*) слова [5].

Семантическая деривация, предполагающая переосмысление слов, использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения, — обязательная закономерность развития словарного состава языка. Продуктивность данного типа словообразования определяется, прежде всего, природой человеческого мышления — способностью обобщать в слове явления окружающего

мира, систематизировать в языке объекты внеязыковой действительности. Наряду с этим «экономичность» языка, являющаяся одним из важных его свойств, вынуждает язык избегать количественного приращения лексических единиц за счет формирования новых значений у уже имеющихся в языке номинативных средств [6:29] [7].

Среди факторов, способствующих образованию многозначности, выделяют:

1. Частотность употребления слова, связанная с необходимостью и актуальностью обозначаемого словом понятия для языкового коллектива. Отсутствие экспрессии и эмоциональной окраски у «производящего слова» также считается условием, способствующим развитию переносных значений. Например, в английском языке существительное «horse» имеет 9 значений, а его стилистический синоним «nag» 1 значение; «clothes» — 7 значений, а «attire» 2 значения.

2. Грамматическая природа слов — принадлежность слова к той или иной части речи — также определяет тенденцию сохранения однозначности или развитие многозначности слов. Так, например, смысловая структура глагола выше, чем смысловая структура имени существительного, и круг его значений подвижнее [6:21].

3. Возможности образований многозначности слова зависят от слов той тематической (лексико-семантической) группы, к которой принадлежит данное слово. Например, существуют определенные модели образования переносных значений в тематической группе названий животных для характеристики человека (он — змея, лев, осел).

Процесс развития новых значений осуществляется по стандартным, хорошо известным языку семантическим моделям. Среди разнообразных видов семантической деривации (расширение и сужение значения, семантический сдвиг и др.) наибольшей продуктивностью отличаются метафора и метонимия. При рассмотрении номинативной функции языка и ее семантического аспекта каждый из этих видов представляет собой устойчивый механизм образования новых лексических единиц [7:82]. Универсальность и специфичность языковой метафоры как способа вторичной номинации состоит в том, что она оперирует образно-ассоциативным подобием, отсутствующим в других видах семантической деривации. Результаты последних исследований показывают, что метафора является гораздо более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее. Метафора активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия. Поэтому изучение метафоры проводится в настоящее время не только в рамках лингвистики, но, главным образом, в психологии, когнитологии и теории создания искусственного интеллекта [8:135].

В работах современных авторов выделяются два принципиально различных направления — семантическое и когнитивное. Семантическое направление представлено в работах М. Блэка, Дж. Серля, Д. Ротбарта, Е. Китгея и др. [8:137]. М. Блэк конкретизировал идею метафорического переноса путем использования понятия «фильтрации». При образовании метафоры «А есть В», например «человек — волк», ассоциируемые общие места (associated commonplaces) В пропускаются через «фильтр» ассоциируемых общих мест с А. В результате на первый план выносятся вполне определенные характеристики, в данном примере — жестокость и агрессивность. Несколько иной позиции придерживается Дж. Серль, полагающий, что перенос семантического содержания в метафорических выражениях должен рассматриваться в рамках более общей модели выведения значения. Дж. Серль проводит разграничение между значением предложений самих по себе и тем реальным значением, которое вкладывает говорящий в высказывание. Именно «значение говорящего» отождествляется им с метафорическим значением. С его точки зрения, выделение принципов, объясняющих, каким образом, употребляя «S есть P», я полагаю в действительности, что «S есть R», достаточно для объяснения процесса метафориза-

ции. Однако эти теории не проясняют основной вопрос — на каком основании из множества характеристик P мы вычленим те характеристики R , которые проецируем на S [9].

В этом плане более интересным является подход Д. Ротбарта, с точки зрения которого в метафорическом переносе «задействовано» не все буквальное значение, а только его отдельные фрагменты. Д. Ротбарт выделяет в структуре понятий семантические постоянные и семантические переменные. Семантические постоянные передают наиболее существенные свойства семантики понятий. С позиций Д. Ротбарта, необходимым условием успешности метафорического переноса является именно участие семантических постоянных.

Объяснение такого механизма образования метафор потребовало привлечения иной концепции значения — теории семантического поля. Объясняя метафорический перенос на основе концепции значения как семантического поля, Е. Киттей говорит о переносе из одного структурированного семантического поля в другое структурированное поле (там же: 138), хотя выбор проецируемых характеристик остается неясным.

Интерес к метафоре со стороны когнитивной науки связан с ее представлением как языкового явления, отображающего базовый когнитивный процесс. По мнению сторонников когнитивного подхода, главную роль в изучении семантических процессов играют процессы аналогии, в основе последней — перенос из одной содержательной области в другую, и метафора является языковым отображением этих аналоговых процессов [7:85].

В соответствии с одной из наиболее известных концепций, позволяющей прояснить внутреннюю структуру метафоры, выделяются следующие характеристики аналогий: 1) определенность базовой системы — степень нашего знания исходной содержательной области. Предполагается, что чем глубже мы знаем исходную область, тем легче нам определить, какие отношения считать важными при переносе; 2) ясность — степень точности задания соответствия между сопоставляемыми областями; 3) насыщенность — число переносимых предикатов; 4) широта охвата [8:141].

В психологических исследованиях метафоры интересен подход к метафоре как к нерасторжимому единству вербального и образно-ассоциативного [1]. С этой позиции, метафора определяется как результат взаимодействия образной и вербальной систем. Если образная система имеет дело с информацией о конкретных объектах и сущностях, организуя перцептуальную реальность, то вербальная — интегрирует дискретные лингвистические данные в структуры знаний более высокого порядка. Если первая объясняет гештальтную природу языка, то вторая — роль языковой компетенции в ее интерпретации. До настоящего времени доминирующей в современной литературе остается взгляд на метафору как на языковое явление. Развитие когнитивных и психологических подходов анализа метафоры способствовало модификации указанной точки зрения, но, тем не менее, упор на концепцию значения остается неизменным. Согласно этому мнению только язык структурирует и организует концептуальную (ментальную) систему человека. Именно язык выступает в качестве наиболее сложной и гибкой репрезентативной системы. Поэтому изучение любых характеристик метафоры возможно через язык и значение.

Вторым по продуктивности способом семантической деривации является метонимия. Семантическая мотивированность метонимии основана на смежности предметов и явлений и, следовательно, связана с исходным значением не отдельными признаками, а всем объемом значения. Метонимические образования выполняют прежде всего номинативную функцию, им свойственна низкая экспрессивность, стилистическая нейтральность и высокая номинативность [10:37].

Отдельные значения многозначного слова противопоставляются друг другу по семному составу. Анализ многозначного слова — это, прежде всего, выявление сем,

по которым различаются значения этого слова, а также выявление типов связей между значениями, в том числе метафорической и метонимической. Модель многозначности – это существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений [11:18].

В когнитивном подходе значение слова рассматривается как часть общей понятийной системы человека. Оно определяется особенностями концептуализации мира человеком, обусловленными опытом его взаимодействия со средой и его способностью к мышлению. Внутренняя структура многозначного слова представляет собой сетевую модель, которой связаны между собой отношения различной природы и различной степени близости; одни из этих компонентов соответствуют всем основным признакам категории, а другие – лишь некоторым признакам. Все названные компоненты объединяются признаками «семейного сходства» [12:35].

Первостепенное внимание уделяется изучению метафоры, а также метонимии, которые рассматриваются в качестве важнейшего источника сведений об организации человеческого мышления. Метафора рассматривается как основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы источника при концептуализации новой сферы. Метафоры – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Наряду с моделями концептуальной метафоры все чаще и чаще описываются метонимические модели, которые рассматриваются как своего рода схемы человеческого мышления. Когнитивная лингвистика, таким образом, стремится построить язык в систему других когнитивных механизмов человека.

Рассмотрим семантическую структуру субстандартных полисемных дериватов на примере семантической группы наименований имен лица. Цель данного исследования – выявить механизм развития новых значений у существительных, интегральная сема которых в стандарте имеет значение «не человек» и приобретает в субстандартной лексике интегральную сему одушевленности, обозначая человека, обладающего определенными внешностными и личностными характеристиками. Актуальность исследования определяется необходимостью более полного и адекватного изучения этого пласта разговорной лексики, который служит источником пополнения и обогащения языка, имеет свои словообразовательные тенденции и способы словообразования, в том числе и семантическую деривацию, которая еще недостаточно изучена, хотя существует ряд работ, посвященных этому пласту лексики в различных языках [5]; [13]; [14]; [15]; [16].

Методом компонентного анализа, который является определяющим при изучении механизмов полисемии на современном этапе, были выделены следующие тематические группы (ТГ) стандартных мотивирующих основ, объединенных общей семой «не человек»: ТГ животные, ТГ птицы, ТГ насекомые, ТГ абстрактные понятия, ТГ продукты питания, ТГ одежда, ТГ части тела, ТГ неодушевленные предметы, ТГ растения. Эти ТГ положены в основу семного состава новых значений, развившихся в субстандарте. Сюда относятся характеристики человека по полу, внешности, возрасту, поведению, одежде, умственным способностям, национальности, положению в обществе, профессии, сексуальным, нравственным характеристикам. Наличие этих многочисленных компонентов значения доказывает, что развитие новых ЛСВ у слов может происходить на основании различных признаков, а иногда и в их сочетании.

Для рассмотрения механизма становления новых значений проанализируем семантические структуры многозначных дериватов, организованных по тематическим группам.

ТГ неодушевленные предметы:

Gun — N obj. — general name for any kind of firearm that sends bullets from a metal tube;

- N pers. — 1) an armed criminal;
 2) an important person (he is quite a gun around here now);
 3) a professional thief, esp. a pickpocket [17].

В данном примере мы наблюдаем различные процессы в развитии значений: первый этап — это метонимическое образование значения «вооруженный преступник» из стандартного «любое огнестрельное оружие». Очевидно, что данный перенос осуществился по схеме «предмет действия — человек, обладающий этим предметом». Но на этом развитие значений не остановилось, и мы видим, что следующий ЛСВ «важная персона» образовался путем генерализации значения, обозначая человека, обладающего влиянием и властью, по-видимому, по аналогии с вооруженным человеком, владеющим ситуацией. По линии 3-го компонента «профессиональный вор — карманник» наблюдается сужение значения основы. Смысловой точкой соприкосновения всех значений данных ЛСВ является связь их с фактом ношения оружия в кармане или кобуре, откуда его вынимают так же, как вор вынимает деньги из карманов своих жертв. Прототипом или наиболее общей категорией мы можем считать основное значение, реализующее разнообразные ассоциативные связи, которые затрагивают самые разнообразные, подчас отдаленные от рассматриваемого явления реалии. Тот факт, что все новые ЛСВ слова «gun» имеют негативную оценку, говорит о том, что носители языка связывают оружие с криминальным миром.

ТГ животные:

- Bull** — N zoo. — an adult male animal of the cattle family;
 1) a peace officer of any kind, esp. a uniformed police officer;
 2) (cowboys) the chief, head man;
 3) a dealer who favors higher prices and quicker selling [17], [18].

В данном случае наблюдается типичный случай радиальной полисемии, когда все значения слова «бык — полицейский офицер — вождь, начальник — дилер, предпочитающий продавать акции быстро и по высоким ценам» мотивируются одним центральным значением. Прототипической единицей здесь служит характеристика животного, его главенствующее положение в стаде (ЛСВ 2) и агрессивность поведения (ЛСВ 3); а ЛСВ 1 «полицейский офицер» содержит обе характеристики, отражающие негативное отношение к полицейским, их внешнее сходство с быком и физическую силу.

ТГ продукты питания:

- Fruitcake** — N obj. — a cake that has dried fruit in it;
 1) N pers. — 1) an insane person;
 2) an eccentric person;
 3) a male homosexual; [17], [18].

В данной цепочке значений «фруктовый пирог — сумасшедший человек — эксцентричный человек — гомосексуальный мужчина» мотивация идет от устоявшегося в сленге значения «fruit — сумасшедший, либо человек нетрадиционного поведения». В основе метафорического переноса значения именно эта сема значения «фрукт» (сравним в русском языке с выражением «ну и фрукт») с негативной, уничижительной оценкой явилась той прототипической единицей, которая привела к формированию данных ЛСВ.

ТГ абстрактные понятия:

- Panic** — N abst. — uncontrolled, quickly spreading fear;
 N pers. — 1) a very funny person;
 2) an effective comedian [17], [18], [19].

Этот пример представляет интерес тем, что в ходе развития значений «паника — очень смешной человек — успешный комедиант» произошел не только метонимический перенос, но и смена эмоциональных впечатлений от паники, означающей «неконтролируемый, быстро распространяющийся страх» к смешному человеку, комедианту, вызывающих смех, веселье.

ТГ части тела:

Face – *N obj.* — *the front part of the head (eyes, nose, mouth, cheeks, chin);*

N pers. – 1) *a celebrity, esp. a show business notable;*

2) *a person (bad face);*

3) *(bl.) a white person; [17], [18].*

Семантическая деривация в данном случае представляет собой развитие значений от части «лицо» к целому «знаменитость в шоу-бизнесе – человек – белый человек». По линии 1-го и 2-го ЛСВ идет постепенное расширение значения, сначала обозначая известного, узнаваемого человека, а затем и любого; в 3-м ЛСВ происходит сужение значения, ограниченного рамками негритянского социолекта. Прототипическая категория – проявление подлинной сущности, основа для восприятия со стороны и, вместе с тем, создание «имиджа».

ТГ птицы:

Chicken – *N zoo.* – *a common farm bird that is kept for its meat and eggs;*

N pers. – 1) *a young woman, esp. an attractive one;*

2) *an adolescent boy;*

3) *a coward, an overtly timid person (= a sissy);*

4) *a person, esp. a durable one; [17], [19].*

Семантическая деривация в данном примере представлена ЛСВ, образованными на основе разных компонентов основного значения «цыпленок» — юный возраст и соответствующее поведение. Когда девушку называют цыпленком, подчеркивается ее возраст и хрупкая фигура, то же самое можно сказать о значении «юноша», ЛСВ «трусливый, очень робкий человек» актуализирует сему пугливости, присущей цыплятам. Таким образом, прототипическая категория в данном случае – это внешность и поведение птицы.

ТГ овощи, фрукты:

Peach – *N obj.* – *juicy, round fruit with yellowish-red skin and a large, round seed;*

N pers. – 1) *an attractive young woman;*

2) *any remarkable admirable or attractive person [17].*

Развитие ЛСВ слова «персик – привлекательная девушка – любой привлекательный человек» идет по линии генерализации и распространяет положительную оценку на всех людей независимо от пола и возраста. Ассоциация по внешности является основным признаком переноса значения. Мы говорим о привлекательной девушке как о персике, если она обладает нежной кожей и здоровым цветом лица. Таким образом, именно цвет и кожица фрукта, а не его вкусовые или иные характеристики явились определяющим компонентом при образовании новых ЛСВ.

ТГ одежда:

Daisy – *N obj.* – *small flower with a yellow center;*

N pers. – 1) *a person or thing that is remarkable, wonderful or superior;*

2) *a male homosexual;*

3) *a weak, effeminate or cowardly man [18].*

В процессе семантической деривации наблюдается снижение характеристики человека, основанной на ассоциации с цветком – маргариткой – от вызывающих восхищение «замечательный, восхитительный человек (вещь)» до негативных «гомосексуалист – слабый, женоподобный, трусливый мужчина». В данном примере 1-й ЛСВ основан на семе «красивый, вызывающий восхищение», как и цветок в сознании носителей языка; остальные ЛСВ актуализируют сему избыточности качества нежности у мужчин. Нежность, хрупкость тоже ассоциируется с цветком, но в зависимости от контекста эта сема приобретает дополнительные уничижительные коннотации.

ТГ насекомые:

Bug – N zoo. – any small insect;

N pers. – 1) (teenagers) a girl;

2) an enthusiast, devotee, hobbyist;

3) an insane person;

4) (*prison*) a psychiatrist [19].

Первое значение «*девушка*» и основное значение «*жук, букашка*» связаны общей семей маленького размера или роста, второе субстандартное значение «*человек, увлеченный чем-либо*» основано на сходстве поведения насекомого и человека, «*копающегося в чем-либо*». У 3-го значения «*сумасшедший*» имеются иные ассоциации, обозначающие в сленге странность поведения; что касается ЛСВ «*психиатор*», то здесь наблюдается метонимическая связь с предыдущим вариантом.

Таким образом, мы проследили развитие новых значений в процессе семантической деривации и определили, что их развитие может основываться на любом из признаков центрального значения и определяться ситуацией или контекстом, порождающим новые значения.

Анализ семантической деривации в вышеуказанных тематических группах выявил **перенос наименования** в процессе развития новых значений. Значения полисемного слова возникают в результате переноса наименования, который осуществляется с учетом отношений сходства или смежности называемого явления с уже названным. Значения эти связаны на основании сходства реалий (по форме, внешнему виду, ценности, положению, общности функции) или смежности, осуществляя метафорические и метонимические связи значений. Именно метафора составляет 60% видов переноса в нашем исследовании (95 из 161 примера) на основании сходства внешности, поведения, функции; следует выделить и перенос по сходству эмоциональных впечатлений.

В когнитивной лингвистике метафорическая модель рассматривается как способ концептуализации разного рода нематериальных объектов и процессов (идей, эмоций). Однако кроме метафорических, выделяют и неметафорические значения, которые имеют тот же источник, что и метафорические — основное, базовое, исходное значение слова. Таким образом, исходное значение слова может рассматриваться как способ концептуализации некоторой ситуации внеязыковой действительности, являя собой своего рода ментальную схему. Рассмотрим некоторые примеры.

Lemon – N obj. – a pale yellow fruit with acid juice;

N pers. – 1) a light skinned and attractive black woman;

2) a sour, disagreeable person; [17], [18].

В данном примере наблюдается образование новых субстандартных ЛСВ от разных характеристик исходного значения «*лимон*»: в первом случае «*привлекательная негритянка с более светлой кожей*» ассоциируется с лимоном по цвету фрукта и желтоватому цвету кожи негритянки. Второе значение «*неприятный, кислый человек*» мотивируется сходством эмоциональных впечатлений от такого человека и вкуса фрукта. Таким образом, можно говорить о ментальных схемах или моделях *цвет (фрукта) – цвет (кожи)* в ЛСВ 2. Существующие в сознании носителей языка концепты связаны гибкими ассоциациями с многочисленными понятийными сферами, реализуемыми в различных ЛСВ полисемного слова.

Метонимический перенос, составляющий 24% всего исследуемого материала (40 примеров из 161), основан на смежности пространственной, временной, логической, смежности процесса, результата и т. д. Рассмотрим следующий пример:

Clean skin – N obj. – outer covering of the body of a person or animal;

N pers. – 1) an honest person;

2) a person with a clean police record (*earlier sense – unbranded animal*); [17], [19].

Значения «чистая кожа» и «честный человек» связаны представлением о человеке с чистой, незапятнанной репутацией. Прототипическая функция кожи как части тела включает в себя внешний вид и «имидж» человека. ЛСВ 2 «человек, не находящийся на учете в полиции» идет от более раннего значения «не клейменное животное», клеймо, как известно, ставили на коже. Следовательно, основная прототипическая функция здесь тоже реализуется.

Таким образом, среди различных видов семантической деривации метафорическое и метонимическое переосмысления представляют собой результат наиболее глубокого внутреннего семантического преобразования, нередко осложненного какими-либо сопутствующими явлениями. Высокая продуктивность данных видов семантической трансформации во многом объясняется уникальной особенностью человеческого мышления – способностью усматривать сходство или смежность между элементами физически воспринимаемой действительности, а также различного рода абстрактными понятиями в процессе познавательной деятельности людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина А. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Наука, 1996. 246 с.
2. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // В. Я. 2000. № 4. С. 85-109.
3. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Просвещение, 1968. 335 с.
4. Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // В. Я. 2001. № 2. С. 13-24.
5. Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 136 с.
6. Прохорова В. И. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. Лекции по спецкурсу. М.: Изд-во МГУ, 1980. 87с.
7. Черникова Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. № 1. С. 82-90.
8. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // В. Я. 1990. № 3. С. 135 – 145.
9. Searle J. R. Reference as a speech act // Searle J. R. Speech . An Essay in the Philosophy of Language. London: Cambridge Univ. Press, 1969. Ch. 4.
10. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. 245 с.
11. Гайсина Р. М. Проблема многозначности с позиций говорящего и слушающего. Уфа: Исследования по семантике, 1989. Вып. 14. 78 с.
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. 238 с.
13. Винокуров А. М. Субстандартная суффиксация в английском языке США: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калинин, 1981. 16 с.
14. Soudek L. Structure of Substandard Words in British and American English. Bratislava: Slovenska Akad. Viedi, 1967. 228 p.
15. Partridge E. The World of Words. London: Hamilton, 1948. 201p.
16. Пономарева О. Б. Специфика синонимии и полисемии субстандартной глагольной суффиксальной основы. Калинин: Изд-во Калининского госуниверситета, 1989. С. 98 –107.
17. Robert L. Chapman. American Slang. N.-J.: Philip Harper Paperworks, 1994. 560 с.
18. John Ayto. The Oxford Dictionary of Slang. Oxford: Oxford university press, 1999. 474 с.
19. Ричард А. Спирс. Словарь американского сленга. М.: Рус. яз., 1991. 528 с.